

СПЕЦНАЗ
ВДВ

Сергей ЗВЕРЕВ
УБИТЬ
БЕССМЕРТИЕ

Спецназ ВДВ

Сергей Зверев

Убить бессмертие

«Научная книга»

2015

Зверев С. И.

Убить бессмертие / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2015 — (Спецназ ВДВ)

В закрытом научно-исследовательском институте изобрели совершенное лекарство – нанопрепарат, способный изменить жизнь всего человечества в лучшую сторону. Для охраны препарата в институт срочно направили отряд спецназа под командованием полковника Князева. Бойцы прибыли на объект, но взять его под охрану не успели: на институт напали вооруженные до зубов бандиты. Они ворвались в лабораторию, расстреляли ученых и выкрали контейнер с лекарством...

© Зверев С. И., 2015

© Научная книга, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Сергей Зверев

Убить бессмертие

© Зверев С., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

Научно-исследовательский центр «Байкал-12» в поселке Большая Каменка когда-то считался закрытым объектом. В советские времена сюда мечтали попасть сотни молодых ученых. Еще бы! И квартира, и повышенные надбавки к окладам. Но главное – налаженный и исправно работающий конвейер по подготовке и защите диссертаций. В «Байкал» только попади, а уж не защититься тебе там не дадут. Начальство не позволит, потому что статус обязывает печь кандидатов наук и докторов как пирожки.

В 90-е белые корпуса центра опустели лет на восемь. Что-то еще теплилось, шевелилось в недрах некогда мощного института: какие-то модные в те времена центры научно-технического творчества молодежи, какие-то полунаучные кооперативы. Часть уникального оборудования распродали, часть использовалась в кустарных целях, практически как в старом анекдоте про забивание микроскопом гвоздей.

Потом, кажется, в 2004-м, повеяло подъемом науки, новыми ориентирами в «оборонке» и приоритетами фундаментальной науки. И, как по мановению волшебной палочки, центр ожил. Он по-прежнему оставался на балансе Академии наук, быстро решились вопросы с правопреемственностью некоторых проблемных направлений, а также вопросы собственности, после чего открылось практически сказочное финансирование. Правда, поговаривали, что директором центра назначили племянника вице-президента Академии наук, которому срочно нужен был статус членкора, потому и открылась волшебная финансовая шкатулка. Но главное, что в центр снова потекли лучшие кадры, и не только из Забайкалья и Дальнего Востока. Сюда поехали ученые с Урала и даже из европейских вузов и НИИ.

Теперь центр уже не считался закрытым объектом, хотя имел в своем составе одно закрытое научно-производственное и испытательное подразделение – «Сектор 4», занимавшееся бионаномедицинскими технологиями.

– Лень, ты в Читу едешь? – Смуглолицая Зара, блеснув черными угольками глаз, подскочила к Лене Владимирову в одном из обширных коридоров «Сектора» и схватила его за руку: – Лень, привези фруктов!

Это была единственная проблема в научном городке. Снабжение охватило все стороны жизни ученых, но пробелом оказалась поставка фруктов. Не всех, конечно, яблоки, груши и мандарины в магазины попадали, а вот чего-то экзотического сюда не возили. Говорили, что нерентабельно в таких маленьких количествах организовывать поставки. И ученые, особенно их семьи в женской части, очень радовались появлению на столах бананов, персиков, ананасов, киви и других экзотических продуктов.

– Зарочка, – вежливо улыбнулся высокий светловолосый здоровяк Лень, – я образцы повезу. Меня никто из машины не выпустит. Встретят, проводят и спать уложат.

– Ну, Лень! – томным голосом заныла молодая женщина.

– Бли-ин, ну, давай, – простонал Лень. – Только учти, что искать мне будет некогда. Забегу в пару мест, и адью!

– Лень, ты в супермаркет иди, там все есть, – затараторила Зара. – Я вот список написала, чего и сколько взять. Мы тебя встретим прямо у самолета, поможем донести, а вот тебе отдельно деньги на такси...

Лень Зару не то что недолюбливал, просто эта стройная южная красавица лет двадцати восьми была очень утомительной в общении, всегда приставала с расспросами, лезла во все дела со своим неумным энтузиазмом. Появилась Зара в «Секторе» два месяца назад в качестве старшего лаборанта. Имела она диплом врача, но за неимением вакансии научного работника согласилась пока и на это. Кто-то брякнул было, что у Зары есть протеже и что она метит гораздо выше, но потом и эти замолчали, видя, что девушка ничего собой не представляет в

научном плане. И особых запросов она тоже не показала. А вот доставать всех умела, и очень хорошо умела.

Настроение у Лени было не очень. И давно. Его не особенно радовала не столько поездка, сколько вообще то, чем он занимался. Как-то к двадцати семи годам неприятно приходило к выводу, что ты не на своем месте и занимаешься неинтересным тебе делом.

Леня рано лишился родителей. Чета ученых-физиков погибла в автокатастрофе, когда ему едва исполнилось лет десять. Других родственников у него не было, и все пути лежали в школу-интернат. Чтобы как-то выжить в суровой детской среде замкнутого пространства, Леня начал активно и самозабвенно заниматься спортом. Ему понравилось не просто быть сильным, ему понравилось, когда его хвалили и уважали. Хвалили, естественно, взрослые, уважали, по большей части, сверстники, кому он умело давал сдачи.

Успехи в спорте привели к появлению спортивных регалий, похвалам со стороны тренеров. Это тоже льстило самолюбию парня и толкало на новые свершения. В школе его хвалили еще и за хорошую учебу, но делали это как-то вяло, понимая, что у парня просто феноменальная память и он все схватывает буквально на лету. И спортивное начало пересилило все остальное. Леня отправился с огромным энтузиазмом служить в армию и попал, естественно, в ВДВ.

Предложение остаться служить по контракту он отверг сразу. Во-первых, начал понимать, что его стали слишком часто «брать на слабо». Во-вторых, жизнь по указке и по команде его совсем не устраивала. Тем более что он прекрасно видел, что его командиры в основном гораздо ниже его по интеллекту. «Не моя среда», – заключил Леня и уволился в запас в звании старшего сержанта.

И, как бывает в жизни с людьми его склада характера, кинулся в полную противоположность. Почему-то показалось Лене, что он должен пойти по стопам покойных родителей, которых совсем не помнил, поэтому двинул в науку. Правда, из всей физики его больше интересовала проблема нанотехнологий, и он с блеском окончил довольно трудное отделение физического факультета.

И вот Леня Владимиров два года работает в этом центре. Два года ему долбят, что он должен защититься, должен выбрать себе тему и погрузиться в нее полностью, должен спать и видеть сны про науку вообще и свою тему в частности. И тут Леня понял, что ему это скучно. Скучно проводить вечера и выходные, знакомясь с чужими достижениями в его области, скучно выступать на семинарах в своем секторе и на конференции в Читинском университете, скучно разрабатывать программы исследований, скучно бесконечно экспериментировать ради еще одного маленького, такого незаметного для людей шажка вперед в науке. Тут нужна была усидчивость, тут нужно было огромное желание и тяга к такому роду занятий, а Леня... Леня любил энергию, Леня любил динамику, любил жить взмахом. А что за жизнь взмахом у ученого? Для Лени Владимирова кропотливой работы взмахом не существовало, для него это были несовместимые понятия и явления.

С этими мыслями он ехал в служебном «уазике-буханке» на аэродром, с этими мыслями садился в маленький усталый 12-местный биплан. На борту «старичка» гордо красовались надписи «Ан-2П» и название авиакомпании «Ангара». «Даже тут, – подумал Леня с неудовольствием, – даже тут скукота зевотная». Сколько уже идет разговор о том, что местные авиалинии перейдут на чешские «L-410»! Даже прошел слух, что представители забайкальских перевозчиков ездили в Чехию. И что? Все тот же бидон с крылышками на полосе. И лет этому бидону явно за тридцать, если не все шестьдесят. А ведь где-то огромный мир, где-то кипит жизнь, плещет «энергия бытия»! Это словосочетание придумал сам Леня во время очередной хандры и очень им гордился. Было в этих словах что-то поэтично-философское, что давало повод надеяться на... На что? Просто надеяться.

Леня уселся поудобнее, насколько это было возможно в неудобном самолетном кресле, сложил руки на груди и стал взором демона из одноименной поэмы Лермонтова взирать на редких пассажиров, которые совсем не торопились и плелись в сторону самолетика, как сонные мухи.

Запыленный, а местами и забрызганный грязью до самых стекол «УАЗ Патриот» въехал на территорию центра беспрепятственно. Охранник из читинского ЧОПа¹, с которым у центра был договор на охрану, проверил пропуск, лениво глянул в салон и махнул, что шлагбаум можно поднимать. Тяжелая труба со следами ржавчины под толстым слоем красной краски со скрипом задралась в небо, а потом нехотя опустилась, стукнувшись концом о запорный крюк на столбе.

«УАЗ» свернул не к административному корпусу, а поехал вдоль лабораторных корпусов, мимо котельной, градирни собственного сервера и остановился возле шлагбаума, отгораживающего небольшую территорию с двумя небольшими корпусами «Сектора-4» от остальной территории научного центра. Тихое место, тенистые аллеи под раскидистыми вязами.

Водитель, парень с широченными плечами, довольно шустро для своей комплекции выскочил из кабины и подбежал к стеклянному окошку будки охраны. Он суетливо доставал из наружного кармана куртки бумаги, путаясь в застёжках и клапанах. Никому не показалось странным, что водитель сунул руку и за пазуху. Правда, он вытащил оттуда не транспортные накладные и не пропуск, а пистолет с толстым набалдашником глушителя на стволе.

Два выстрела, по громкости едва ли отличимые от выстрелов пневматического пистолета, заставили охранников сложиться пополам и повалиться на пол. Водитель, быстро окинув взглядом территорию, нырнул под новенький пластиковый шлагбаум и сунул руку в дверной проем будки охраны. Он нащупал пульт, и красно-белая перекладина плавно поднялась, освобождая проезд. Кто-то в машине уже занял водительское кресло, и «уазик» вкатился на территорию закрытого сектора.

Декоративный ухоженный кустарник и стена котельной надежно закрывали от взоров с общей территории центра этот угол. «Уазик» неторопливо свернул к запасному выходу из лабораторного корпуса. Одновременно открылись все двери машины, четверо мужчин в черных масках выскочили на влажный еще асфальт, который утром тщательно поливался дворником, и выжидаяще замерли у двери, подняв стволом вверх пистолеты с глушителями.

Водитель, открывший шлагбаум, ждал возле будки не случайно. Один за другим мимо него пробежали еще четверо в синих комбинезонах с надписями на спине «Кабель-монтаж». Они тоже извлекли из-под одежд оружие и бежали все к той же двери, которая должна была быть надежно заперта. Использовать ее полагалось, как и в любом приличном учреждении, в специальных случаях, например, в случае эвакуации персонала.

Но дверь оказалась открытой. Девять вооруженных мужчин забежали внутрь и бросились вверх по пыльной лестнице, по которой очень давно никто не ходил. Второй этаж, третий! Топот ног в армейских ботинках, и больше ни звука. Не слышно даже прерывистого дыхания бегущих людей. По двое замирая возле дверей каждого этажа, они пропускали группу вверх и догоняли ее. Чувствовались слаженность и хорошая выучка. А еще ясно было, что эти люди пришли не с добрыми намерениями и что они очень хорошо знают, куда и как идти.

Двустворчатая дверь на третьем этаже, ведущая в общий коридор, была заперта. И это, видимо, люди в масках тоже хорошо знали. Несколько выстрелов в упор из пистолета, и древесина вокруг врезного замка разлетелась в щепки. Удар ноги, и дверь распахнулась. В коридорах раздались крики, женский визг. Люди в белых халатах и синих медицинских костюмах шарахались, прижимаясь к стенам и в ужасе глядя на людей в масках и с оружием.

¹ ЧОП – частное охрannое предприятие. (Здесь и далее прим. авт.)

С дальней стороны коридора появились двое охранников в синих форменных рубашках. От группы нападавших отделился один и бегом кинулся навстречу сотрудникам охраны, которые расталкивали персонал «Сектора» и судорожно пытались вытащить непослушные «ижаки»² из открытых кобур на ремнях. Выждав с кровожадной усмешкой, когда охранники все же достанут свое оружие, человек в маске вскинул пистолет, и четырежды в воздухе прозвучали чпокающие звуки. Оба охранника, получив по две пули в грудь, повалились посреди опустевшего коридора. Никого из сотрудников «Сектора» там уже не было.

Повинуясь приказу старшего, люди в масках рассредоточились по этажу. Четверо заняли позицию по сторонам, откуда было возможно нападение, остальные прижались к стенам возле железной двери, ведущей в отдельное крыло. Один из них извлек из сумки на поясе что-то завернутое в полиэтилен, помял в руках и прилепил колбаской мягкий состав вокруг кодового замка. Громкий хлопок ударил по ушам, коридор заволокло белым удушливым дымом, но в этом дыму уже громыхла открытая дверь, слышался топот ног, крики людей, снова раздавалось «чпок», «чпок», «чпок».

Один-единственный раз громко хлестнул по коридору пистолетный выстрел, видимо, охранника, но и он закончился резким криком боли и падением тела на пол. Последняя дверь с табличкой «Лаборатория 3» распахнулась от мощных ударов, снова чпокнули выстрелы, и женский голос захлебнулся болью.

– Сейф! Быстро! – приказал хриплый мужской голос.

Молодого мужчину в очках, с редкой бородкой несколько раз потрянули сильные руки, а в побледневшее от страха лицо сунули дуло пистолета, пахнущее кислотой сгоревшего пороха и смертью. Мужчина трясущимися руками достал из кармана халата связку ключей и все никак не мог выбрать из нее нужный ключ. Наконец он справился с непосильной задачей и с третьего раза вставил его в нужное место. Пальцы набрали код, и толстая дверь сейфа бесшумно отворилась.

Тут же пистолет одного из бандитов дважды выплюнул в спину ученого, и мужчина со стоном повалился на лабораторный стол, разбивая и стаскивая на пол оборудование и лабораторную посуду. Со стороны запасного выхода послышался визг «болгарки». Там начали спиливать пожарную приставную лестницу, ведущую на чердак.

– Вот она! – стащил наконец с лица маску главарь, обнажив скуластое лицо. Маленькие злобные глазки светились торжеством и жадностью. – Все, уходим! В обратном порядке...

Прежде чем сунуть стеклянную ампулу с шестизначной маркировкой в плоский пластиковый контейнер, он замер и прислушался. Звуки, раздававшиеся снаружи, совсем не походили на те, что должны были раздаваться. Не было ни криков, ни громкой стрельбы, никто не орал в мегафон и не предлагал сдаваться. Все было ожидаемо и запланировано, группа была готова к этому.

Примерно через несколько секунд после того, как «уазик» въехал в ворота Научного центра, из административного корпуса вышли двое мужчин. Один, высокий, худой, с недовольным, даже язвительным выражением лица, был одет в черный костюм и светлую рубашку с галстуком. На кармане пиджака у него болтался бейджик службы безопасности. Второй – парень лет двадцати шести или двадцати восьми, такой же высокий, как и его спутник, но не в пример лучше сложен. Стройный, мускулистый, с немного смуглым лицом, кареглазый, с модной стрижкой, говорившей о посещении хорошего салона, он был похож скорее на артиста кино. Эдакого голливудского красавца. И выражение лица у него было игриво-добродушное.

² Служебный пистолет «ИЖ-71» предназначен для вооружения различного рода охранных фирм (ЧОП) и силовых структур. За основу при разработке был взят пистолет Макарова («ПМ»). Серийно выпускается на ФГУП «Ижевский механический завод». Единственное отличие «ИЖ-71» от «ПМ» заключается в том, что в нем применяются служебные патроны 9х17 («Вальтер ПП») в отличие от более мощных патронов 9х18, использовавшихся в «ПМ».

– Вы, Матвеев, не правы, – продолжал парень начатый, видимо, еще в здании, разговор, – просто у нас такой стиль работы. Как только нас пригласили, как только мы заключили договор на охрану вашего «хитрого» «Сектора», так сразу и приступили.

– «Баблю» вы почуяли, – неприязненно отозвался «безопасник», даже не посмотрев на чужой «уазик», проезжавший мимо. – Там, где деньги, там и элитные ЧОПы появляются стричь купоны.

– Матвеев, – лицо парня стало серьезным, – вы во время нашей беседы у руководства пропустили важный момент. Есть сведения о возможных попытках проникновения на закрытую территорию вашего центра с целью хищения ценных разработок.

– Да кому они...

– Это что за машина? – перебил его парень. – У вас выдавались пропуска посторонним в «Сектор-4»?

– Точно! – ехидно ответил Матвеев. – Пришел, увидел, нашел нарушения! Так и мы умеем работать. А ты наладь процесс, ты разработаешь систему охраны...

– Идиот! – заорал парень и рванул в сторону будки охраны на въезде в «Сектор». – Поднимай всех, перекрывай периметр!

Матвеев посмотрел вслед представителю охранного предприятия, и только теперь до него дошло, что он не видит в будке голов охранников. Ушли? Спят прямо в будке? Оба сразу? Нелепость... Безобразие...

Слово «нелепость» застряло в мозгу Матвеева, как заноза. Он уже прибавил шагу, но все никак не мог избавиться от привязавшегося словечка и оторвать взгляда от «чоповца», бегущего впереди со скоростью спринтера. В руках парень уже держал пистолет. Причем пистолет, снабженный глушителем. Теперь стало понятно, почему на нем рубашка навывпуск и почему она кажется великоватой. Совсем не потому, что призвана скрыть крепкие рельефные формы тела, а чтобы скрыть кобуру под мышкой, а в ней оружие. Он что, в самом деле приехал принимать объект под охрану именно сегодня? Один? Конечно, они располагали информацией... Не они, а руководство центра, которое и наняло... Новые вопросы!

– Ливанов! – заорал «безопасник» вслед парню. – Дмитрий, подождите!

Он увидел, как «чоповец» подбежал к будке охраны, быстро глянул внутрь, сплюнул и с досады так грохнул дверью, что задребезжали стекла. Это ничего хорошего означать не могло.

А Дима Ливанов ничего хорошего в будке и не увидел. Будка остеклена была с высоты где-то полутора метров. И сейчас в ней на полу, свернувшись, как два борца во время схватки, лежали два трупа в синих форменных рубашках охраны. Они не могли не быть трупами, потому что крови на полу столько, что любой, выпустивший ее из себя в таком количестве, не выжил бы.

Грохнув от злости дверью, Ливанов длинно и витиевато выругался. Это же надо, это надо умудриться опоздать на какие-то минуты! И никто не попрекнет, никто не скажет, что это твоя вина. Но любой спросит, а куда ты, Димон, глядел, когда они были еще здесь? Как ты их, козел рогатый, упустил? Вот чего тебе не простят, вот почему тебе снова припомнят два провала в течение года, твое разжалование из капитанов в старшие лейтенанты. Припомнят твой позор! И не важно, что это было в другой жизни, что ты тогда был... кем был, тем уже не станешь! А вот кто ты есть, доказывать нужно здесь и сейчас! Ну, ребята, зря вы меня разозлили...

Первый же взгляд на брошенный без охраны «уазик» и распахнутую настежь дверь запасного выход, навел на мысль следующую. Те, кто приехал на этом «уазике», кто застрелил охрану на въезде, кто сейчас в этом здании, назад этим путем не пойдет. И ребенку понятно! Значит, у них есть запасной вариант, значит, у них в этом здании есть наводчик.

Врываться и стрелять Ливанов не стал. Это успеется. Он рысью кинулся вокруг корпуса, глядя вверх на окна и по сторонам в поисках признаков подготовки к бегству злоумышленников. Свой любимую 15-зарядную «беретту-92» он держал стволом вверх перед собой, готовый

в любой момент поразить любую цель. Низкий импульс отдачи, мягкий спуск позволяли стрелять так кучно, как будто ты в мишень пальцем тыкал. Только очень длинным пальцем.

Обежать здание вокруг Дмитрию не удалось, потому что сразу за углом он увидел, как из торцевого окна второго этажа медленно выдвигается железная лестница. От стены дома до высокого, почти четырехметрового бетонного забора было около двух с небольшим метров. Если это пожарная лестница, срезанная на последнем этаже под чердачным люком в потолке, ее длина больше двух с половиной метров. А вот и веревки из окна третьего этажа, что поддерживают конец лестницы, чтобы он не «клюнул» вниз.

Все эти мысли и доводы промелькнули в голове Дмитрия за доли секунды. Вот он, подготовленный заранее запасной вариант. А там, за забором, наверняка еще машина, там что-то вроде перерыва проезда, чтобы удалить случайных свидетелей. И ищи-свищи их потом...

Пуля ударила в кирпичную стену в том самом месте, где только что находилась голова Ливанова. Мгновенная реакция опередила мысль. Рефлексы сами подсказали, что в него выстрелили из окна второго этажа. Вот вам и ответ на вопрос «что делать»!

Ливанов развернулся и ринулся к запасной двери. Выход он видел сейчас лишь один – штурм, штурм по следам грабителей, штурм в ожидаемом ими месте. Они ведь обязательно перекроют эту лестницу, ожидая нападения охраны через нее. Но они также понимают, что и охрана догадывается об опасности этого пути, и чисто психологически будут надеяться, что идиоты-охранники не станут подставлять головы под пули.

– Не всех идиотов вы еще в жизни видели! – проворчал Ливанов, подбегая к двери и мельком глянув на «безопасника» Матвеева, который бегал кругами возле будки охраны и что-то орал высоким фальцетом в трубку телефона. – Вы идиотов не знаете, ребята!

Решение было единственно правильным. Помешать эвакуации преступников он внизу под окнами не мог, никто не допустит, чтобы он там прятался за углом и отстреливал их по очереди на лестнице. Они его пристрелят из любого окна над его головой, или кто-то зайдет со спины, а потом поднимется по веревке на стену. Элементарно. Помешать им можно, идя по их же стопам, то есть перекрыть путь к спасительной лестнице. Будь граната, он бы ее бросил на подоконник окна и свалил бы лестницу. Был бы у него под рукой кто-нибудь поумнее Матвеева, он бы мгновенно оцепил все здание и подходы снаружи к месту преодоления забора. Много чего можно успеть сделать с умными помощниками. А когда ты один, то и действовать надо «тупо в лоб», как любит говаривать друг Мыкола, бывший капитан ФСО³.

Ливанов бежал по лестнице, напряженно глядя вверх и ожидая, когда же мелькнет рука с пистолетом и раздастся знакомый и смертельно опасный звук «чпок». Иметь в виду нужно было и вполне возможные тонкие проволоочки под ногами и привязанные к арматуре ограждения лестницы гранаты. Как они еще перекроют путь, если не «растяжками»?

Стоп! Вот и первый «детский сюрприз». Тонкая проволоочка тянулась вдоль пола на уровне щиколоток и уходила под дверь, ведущую с черной лестницы в коридор второго этажа. Хитро! Если он сам ее не заденет, то они оттуда потянут и выдернут чеку. Ливанов наклонился, осторожно освободил кольцо, а проволоочку привязал к ограждению перил. Теперь у него есть граната! Только вот не особенно ею разбрасаешься в научном учреждении. И как бы не было еще одной на ручке двери изнутри. Знаем мы эти штучки, сами так шалили...

Подойдя к двери, Ливанов принялся молотить в нее кулаками и ногами. Он старательно и убедительно орал, чтобы все сдавались и во всем каялись. Как и следовало ожидать, прово-

³ Федеральная служба охраны. Структура российских спецслужб, исполняющая функции государственной охраны. В первую очередь лиц, подлежащих госохране, а также некоторых объектов, относящихся по своему статусу к государственной тайне. Все вместе это называется «Объектами государственной охраны». Сотрудники ФСО – это в основной своей массе не телохранители или вооруженная охрана секретных сооружений (хотя есть и такие). Основная часть работы сотрудников ФСО – работа организационная, это совокупности правовых, организационных, охранных, режимных, оперативно-разыскных, технических и иных мер.

лочка под ногами энергично задергалась. Это было сигналом, что враг каяться не намерен, а намерен его – Диму Ливанова – убить. Отскочив в сторону и прижавшись к стене, он переждал поток свинца, обрушившийся с той стороны на жалкое дверное полотно. Шума не было, потому что стреляли из бесшумного оружия. И от этого молчаливого разрушения возникало ощущение нереальности происходящего.

– Нервы оставим девочкам! – проворчал Ливанов и выпустил в ответ веером шесть пуль в дверь.

По его расчетам, они должны были охватить сектор градусов в сто пятьдесят. Вполне нормально для того, чтобы на несколько секунд распугать стрелков. Главное, не мешкать, главное, что стреляли в дверь под прямым углом, и им нужно теперь пару секунд, чтобы убраться в стороны. Этих двух секунд вполне достаточно для активной атаки, которой там не ждали, потому что это глупо и слишком нагло.

Но нянчиться с какими-то уродами, посягнувшими на охраняемый объект, тем более в день заключения контракта, Ливанов не собирался. Он намерен был любыми способами и средствами воспрепятствовать. Тем более что своей стрельбой с той стороны враги подтвердили, что никакой гранаты на дверной ручке нет. Ну и дураки!

Рывок двери на себя, и тут же бросок головой вперед внутрь вправо от дверного проема. Выстрелы не последовали, и это понятно, потому что никто не ожидал появления летящего человеческого тела. Причем тела умелого и весьма опытного в таких фортелях. Ливанов, пока летел головой вперед, а потом переворачивался через правое плечо на полу, успел оценить ситуацию. Слева двое, справа один, а чуть дальше баррикада из лабораторных столов. Груда нержавеющей стали, но очень тонкой. Главное, чего хотели добиться грабители, чтобы от входа не было видно, сколько их там и чем они занимаются.

Конец полета закончился тем, что левая рука Ливанова описала полукруг и в наивысшей точке разжала ладонь. Темный овальный предмет полетел за баррикаду, отделявшую коридор от окна, а правая вытянутая рука нажала на спусковой крючок, всадив пулю почти в упор в живот тому, кто был справа. Грабитель заорал благим матом, а Ливанов тут же повернулся на бок и тремя выстрелами свалил и тех двоих, что находились по другую сторону двери.

Они со стонами свалились на пол, а Дмитрий весь сжался, прикрывая голову руками и пистолетом. Страшный грохот в ограниченном пространстве коридора ударил по ушам и по голове, баррикада из столов подпрыгнула в белом дыму взрыва и вместе с воплями и грохотом металла обрушилась на пол.

Кашляя и протирая рукой глаза, он вскочил и отпрянул к стене. Выстрелов не было, да и не могло их быть после взрыва. Кто-то истошно орал под окном, свалившись со второго этажа. Придерживаясь стены, Ливанов бросился через обломки столов, водя стволом пистолета по сторонам. Трупы, трупы... Ага! Лестница валяется вниз! Сколько ушло? Если кто-то вообще ушел.

От негодования и злости он зарычал и кинулся грудью на изрешеченный осколками подоконник. По ту сторону бетонного забора взревел мотор, и очень поспешно, с пробуксовкой резины, рванула с места машина. Ушли! Кто-то ушел! И тут интуиция вместе с тонким слухом напомнили, что на третьем этаже был кто-то еще, кто помогал веревками удерживать лестницу в горизонтальном положении, пока ее выдвигали и укладывали концом на забор.

Упасть удалось вовремя, потому что дверь распахнулась, и в коридор влетели еще двое в масках и с пистолетами. Они быстро все поняли, включая и свое безвыходное положение. Одного возгласа Ливанову было достаточно, чтобы сообразить: эти двое приняли решение, которое наверняка оговаривалось как крайнее в случае неудачи – взять заложников и пробиться к своим или в безопасное место.

Он не дал им побежать в сторону других помещений в поисках заложников. Три быстрых выстрела, и оба бандита с криками повалились на пол, хватаясь за сквозные раны в мягких

тканях ног. Один, что был посильнее, стал отползать к стене, водя стволом по сторонам в поисках противника. Пока дым не рассеялся и скрывал его, Ливанов вскочил на ноги и продырявил раненому плечо, следующим выстрелом ранил второго в кисть руки и только потом подбежал к своим противникам. Пистолет чпокал, выплевывая пули, и звонко лязгал затвором, выбрасывая стреляные гильзы.

– Куда направляются те, что ушли? – заорал он в лицо одному из раненых, выбив пистолет из его руки ногой.

– Пошел ты... – прохрипел тот.

– Я те пойду! – замахнулся на него Дмитрий, но сдержался и сорвал маску с лица.

Под маской оказалось довольно суровое лицо со стиснутыми зубами и побелевшими губами. Ну и рожа! Лицо не мыслителя, но воина. Сейчас «бодаться» с ним бесполезно, а второй уже в отключке. Черт, пусть с ними разбирается...

Распахнувшаяся дверь напротив заставила Ливанова поднять голову. Милое, с заметными кавказскими чертами девичье лицо смотрело на него поверх мушки пистолета. Точнее, это он уже потом вспомнил, что лицо было милое и с кавказскими чертами. А в тот момент огонь выплеснулся ему прямо из дула пистолета в лицо, и в правую сторону груди ударило как кувалдой. Дыхание перехватило, он отпрянул и ударился затылком о стену. Мир поплыл в сторону под хоровод непонятных гулких завывающих звуков...

Машина стояла у самого забора Научного центра «Байкал». Это была неприметная «Лада» 5-й модели, синий цвет которой едва угадывался под толстым слоем грязи. Крепкий мужчина с мощным бритым затылком сидел, насупившись, за рулем и смотрел прямо перед собой. Руки с синими наколками лежали на руле свободно и только подрагивали из-за неровно работающего двигателя.

– Слышь, Сыч, – не переставая ерзать рядом на пассажирском сиденье, спросил напарник с худым лицом и темными мешками под глазами. – А если их накроют? Как угадать момент, когда надо сваливать?

– Никак, – медленно ответил водитель.

– Что значит «никак»? – взвился напарник. – Нам за ними паровозом идти?

– Сиди, Вован, и не рыпайся, – с прежним спокойствием проговорил водитель, продолжая равнодушно смотреть вперед. – Я Волка знаю двенадцать лет. Не родился еще такой шухер, который бы его цапнул. – Кличку он произнес с ударением на последнем слого, по-уголовному.

– А-а, вы же все эти, – с еле скрываемым страхом сказал Вован, – спецназовцы, да? А за че отбарабанили у хозяина?⁴

– За то, – криво усмехнулся Сыч, проявив наконец-то какие-то эмоции. – За то, что родине служили.

– Н-ну! – развеселился Вован. – Исправных служаек не сажают. Их медалями и орденами награждают.

– Медалей и орденов и у нас хватало, только все отобрали. Вместе с погонами.

– Говорят, вы там с мертвых ценности, золотишко снимали? Чеченку одну... это самое...

– Это не доказано, – замотал головой Сыч. – А насчет «зеленых», так чего им пропадать? И вообще отвали, Вован. Че было, то было. Ты за штаны держись, а то наложишь раньше времени.

– Хорош те про штаны, – обиделся уголовник. – Позырим еще, кто в тайге наложит. Это вы в Чечне по горам такие ловкие, а тайгу кто из вас знает? А я ее как свой карман знаю. Я еще когда по малолетке первый раз с зоны подорвал...

– Тихо! – Сыч повел головой и прислушался.

⁴ Хозяин – начальник исправительной колонии (*угол. жарг.*).

Стало слышно, что где-то рядом визжит диск «болгарки», разрезая металл. Через какое-то время стукнула фрамуга окна, а потом невнятно раздались мужские голоса. «Держи давай» и «аккуратнее» радовали слух. Значит, дело идет к концу, значит, скоро со стены начнут прыгать. Сыч с Вованом должны взять самого Волка с Дамиром, у которых будет препарат, а остальных подберут другие машины, стоявшие в стороне, чтобы не привлекать внимания. Улица с обеих сторон перекрыта, и машины уедут разными маршрутами. Пока охрана очухается, пока полиция поймет, что случилось, все будут уже на аэродроме.

И тут раздались крики, ясно слышен был басовитый грубый голос Волка. Потом что-то затрещало, а следом ударило страшным грохотом, и над головой через забор полетели мелкие обломки чего-то, полыхнула сизая вонючая струя дыма. Вован сразу вдавился в сиденье и побледнел. Его глаза забегали по сторонам в поисках оперов из уголовки или омоновцев⁵, которые им тут устроили засаду. Сыч напрягся, но его руки на руле даже не дрогнули.

Неожиданно рядом мелькнули один за другим два тела. Здоровяк в черном костюме и маске тащил за брючный ремень другого, но не такого крупного человека. Рывком распахнув заднюю дверь «пятерки», он швырнул его туда и плюхнулся сам. Машина с визгом сорвалась с места и понеслась по улице.

– Че за хрень, командир? – пробасил Сыч, выводя машину в переулок, а потом сбавляя скорость и плавно выезжая на проезжую часть главной улицы.

– Какой-то шустрик устроил нам цирк, – снимая маску и вытирая ею лоб, ответил Волк, глядя на своего напарника, который морщился, держась за ногу. – Дамира осколком зацепило.

– Засада?

– Нет, все прошло гладко, просто нарвались на опытного бойца, и все.

– Как и все? – круто развернулся на переднем сиденье Вован. – Это... никого больше не будет?

– Все – это значит все! – отрезал Волк. – Такое в жизни бывает. Ну как ты, Дамир?

– Обойдется, – простонал человек на заднем сиденье, усаживаясь поудобнее и тоже снимая с лица маску. – Удар просто был сильный, а так... мышцу вспорол... неглубоко. Меня другое беспокоит.

– Что? – насторожился Волк. – С препаратом что-то не так?

– Нас могут обложить, и мы не скоро вырвемся. Была бы гарантия, что доберемся до самолета, а если нет?

– И что? Говори, ты же микробиолог!

– Для поддержания активности наночастиц в препарате в него нужно добавлять реагент либо держать его при низких температурах, чтобы поддерживать латентное состояние.

– Говорил я тебе, что нужно запастись сумкой-холодильником, – проворчал Волк. – Пару пакетов сухого льда, и вези хоть за океан.

– Далеко с сумкой не уйдешь, она мешать будет, если придется скрываться. Я же не знал, что на нас кто-то нападет. Ты обещал, что все пройдет гладко.

– Ладно, всего не учтешь, – огрызнулся Волк. – Времени нет, хотя можно заскочить в автомагазин и купить автохолодильник, который работает от прикуривателя.

– Несколько часов обойдется, – остановил командира Дамир. – Я беспокоюсь о том, что любая новая задержка, и препарат погибнет. Гарантий, как я понимаю, теперь ждать не стоит. У нас на хвосте спецслужбы?

– Какие спецслужбы! Урод какой-то грамотный попался, вот и все! Так куда ты клонишь?

– Нужен стерильный шприц.

⁵ До реформы органов внутренних дел аббревиатура расшифровывалась как Отряд милиции особого назначения. После реформы, когда милиция была переименована в полицию, название было решено все же оставить, но изменить аббревиатуру на Отряд мобильный особого назначения.

– Зачем тебе шприц? – снова насторожился Волк.

– Часть препарата останется в контейнере. Если все пройдет хорошо, то он не потеряет активности. А если что-то помешает нам? Я хочу несколько кубиков вколоть себе в ногу. Во-первых, циркуляция живой крови, во-вторых, там у меня бородавка на ноге, и я введу состав прямо под нее. Долго объяснять, ребята, но бородавки, к вашему сведению, вирусное заболевание. Причина вирусная. Поэтому долгое время медики и не могли понять, почему появляются на коже эти образования, почему исчезают. Исчезают они потому, что иммунная система справляется и уничтожает образование. Но вирус не погибает совсем. Когда бородавка проходит, остается так называемый дремлющий вирус. Вот это его свойство я и хочу использовать. Я долго думал и пришел к выводу, что этот наш нанопрепарат, который является препаратом липосомальным...

– Док, кончай! Что ты решил? Убить себя?

– Нет, наночастицы вступят во взаимодействие с вирусом и будут активны, пока у меня не прекратится кровообращение. То есть пока я жив.

– Ты это сейчас придумал?

– Нет, когда еще только операцию начали готовить, когда я материалы изучал. В общем, когда заказ получили.

– Дамир, а ты молодец! – засмеялся Сыч. – Тебя и убивать нельзя будет. Хитер, орел! А как из тебя потом препарат доставать?

– Элементарно, – отмахнулся Дамир. – Нужен срез ткани или образец крови и центрифуга. Ну и элементарное лабораторное оборудование.

– Черт, шаманские фокусы! – проворчал Волк. – Давай, Сыч, тормозни у аптеки. Вован, ты пойдешь, только рожу сделай поумнее, а то там подумают, что ты наркоман.

ОМОН прибыл в центр «Байкал» через десять минут после взрыва гранаты. К этому времени служба безопасности научного городка организовала эвакуацию персонала из корпуса, на который было совершено нападение. Появившаяся полиция не нашла ничего, кроме разрушений и трупов бандитов.

Эксперты начали свою работу, когда заместитель начальника службы безопасности Матвеев ткнул пальцем в одно из тел в коридоре:

– Вот, тот самый Ливанов!

– Это который прибыл с Воропаевского полигона? Из группы спецназа ВДВ? – насторожился командир омовцев. – Это что же, он один тут столько наворотил? Э-э, да он живой!

Подбежавшие медики стали щупать вены на шее и открывать глаза, подсвечивая в них в поисках реакции сетчатки. Потом один из врачей расстегнул рубашку на груди неподвижно лежащего на полу человека.

– Вот почему крови нет, – пояснил он, продев палец в дырку на рубашке, – тут бронежилет. Его надо срочно в клинику больницу. После таких попаданий пуль бывают переломы ребер, обильное внутреннее кровотечение. Если поспешим, то можно этого героя спасти.

– Парни! – гаркнул омовец своим подчиненным. – Ну-ка, подхватили этого голубя! Осторожно, осторожно! К нему еще будет много вопросов. Санек, Лысаков!

– Я! – бойко отозвался один из крепышей с автоматом на груди.

– Дуй со «Скорой» в клинику. Головой отвечаешь за этого Рэмбо. Я тебя к вечеру сменю.

– Боишься, что его попытаются убрать как важного свидетеля? – хмыкнул омовец. – Через меня не пройдут.

– Я боюсь, как бы он сам не смылся! – грозно пояснил командир. – Не нравится мне этот паренек. Видал я ВДВ в своей жизни, а таких вот нет. Таких не бывает. Как бы тут не конкуренты вмешались под видом «летунов». Пистолетик его осторожно... Не лапать руками! В пакет! Экспертам отдайте. И «броник» с него снять, что там еще на нем...

Глава 2

Пассажиры тянулись жиденькой неровной вереницей, словно не хотели лететь. Леня смотрел в иллюминатор и не понимал, как это десяток человек могут растянуть посадку в маленький самолет на целых двадцать минут. Ну вот! Кажется, все заканчивается. Вон четверо спешат, наверное, последние. И хромоногого с собой тащат. А...

И тут девушка в светленьком плаще подняла лицо и посмотрела прямо на Леню. Она стояла у самого трапа, и ее глаза были близко-близко. Никогда еще Леня Владимиров не видел у девушек таких лучезарных и притягательных глаз. Девушка уже поднялась по маленькому трапу, а он никак не мог вспомнить цвет волос, длину ног, размер груди. Казалось бы, привычный взгляд на симпатичную девушку, стандартный осмотр примечательных мест, а тут... Только глаза!

Невероятно, но девушка шла между сиденьями к нему. Села по другую сторону прохода и сразу полезла в сумочку за косметичкой. Это не удивило, потому что Леня привык, что девушки всегда в ситуациях, предшествующих знакомству, пытаются скрыть свой интерес к парню посредством бессмысленного поиска чего-то в косметичке и такого же бессмысленного манипулирования извлеченными из нее предметами.

Двое плечистых мужиков помогли подняться в салон третьему, что прихрамывал. А четвертый, вертлявый, на руках которого Леня заметил наколки, стал скандалить и уговаривать пассажиров с передних сидений пересесть дальше. Впереди он предлагал посадить больного, которому тяжело передвигаться. Его спутники молчали, но по всему было видно, что они своего скандального приятеля поддерживают. Под их хмурыми взглядами пассажиры заворчали, но стали пересаживаться на свободные места подальше от пилотской кабины.

Самолетик взлетел, натужно гудя мотором и вибрируя своими четырьмя плоскостями. Леня косился на красивую девушку и искал повода заговорить, познакомиться. Странная робость овладела им, такого он раньше за собой не замечал. И тут случилось то, что обычно происходит, когда упускаешь предоставленный тебе судьбой момент. На сиденье, где сидела прекрасная незнакомка, вдруг обернулся парень с круглым пухлым лицом и наглым сальным взглядом и противным голосом заговорил:

– Какая симпатичная попутчица! Всю жизнь мне не везет в этом деле, а тут такой подарок судьбы!

– Вы о чем? – высоким томным голосом осведомилась девушка и махнула на наглеца пушистыми ресницами.

– Представляете, мне друзья все время хвалятся после поездок. Им всем всегда попадают в попутчицы то в самолете, то в одном купе поезда красивые девушки. Мне вот ни разу не попадались. Как заколдованный! А сегодня просто чудо. Вас как зовут? Меня – Михаил, Миша. А вас?

– Анджела, – скромно потупила взор девушка.

– Какое удивительное имя, – закатил Миша глаза, и Лене тут же захотелось врезать ему по морде. – Вы не киноактриса? Мне ваше лицо кажется знакомым.

Девушка тихо зарделась, демонстративно отвернувшись к иллюминатору лицом, но было видно, что эта незамысловатая лесть ей очень приятна. А еще, что эта Анджела, несмотря на свою красоту, не блистала интеллектом и повелась на глупый способ знакомства. Тем не менее Лене было очень неприятно, что этот Миша так откровенно «клеит» девушку. Хотя внешний вид парня говорит о том, что он вращается в иных кругах, нежели эта Анджела. В кругах деловых, современных. У него на лице было написано университетское образование.

– Вы здесь живете? – не унимался Миша, продолжая сохранять слащавое выражение лица, хотя рука его сделала такой жест, будто очертила помойку или иное убожество. – А в Читу по каким делам?

– Я там учусь... – жеманно прошептала девушка.

– А я вот по делам мотаюсь, – прокололся с несвоевременным признанием Миша.

Леня поморщился и еле удержался от комментариев. Если ты познакомишься с девушкой, то нужно проявить максимум интереса к ее персоне. А этот Миша даже не удосужился выяснить, а потом восхититься тем заведением, в котором учатся такие ангелочки. Он, как человек самоуверенный, самовлюбленный, излишне себя превозносящий над другими, в том числе и над провинциальными дурочками, сразу перешел к повествованию о себе родимом. Ясно, что она учится максимум в профессиональном училище на кондитера, парикмахера или какую-нибудь швею-мотористку, но Мише все равно терять лица не стоило.

– Я предприниматель, – с излишне подчеркнутым равнодушием добавил парень. – Дело-вые контакты, поиск партнеров по проектам.

Анджела тихо таяла от его внимания. Надо же, как повезло – и при деньгах, и красавец! Она как-то стала суетиться, видимо, не зная, чем еще понравиться такому подвернувшемуся «варианту». Ничего лучшего, чем порыться в косметичке, не придумала и тут же выронила на пол цилиндрик губной помады. Леня абсолютно машинально, нежели в попытке высказать свои симпатии соседке, нагнулся... И тут же стукнулся лбом с предпринимателем, который кинулся показать себя джентльменом.

– Е... – не сдержался от дешевой нецензурщины Миша, одарив Леню убийственным взглядом, и схватился за лоб. – Ты че? Поосторожнее нельзя?

– Не зашиб? – с легкой усмешкой поинтересовался Леня, которому не составило труда скрыть, что он тоже прилично ушибся.

– Не зашиб! – передразнил его Миша. – Твоим лбом только кирпичи колоть.

– Пробовал, – с улыбкой признался Леня, – больно.

Девушка чисто женским чутьем поняла, что двое молодых петушков сцепились из-за ее внимания. Правда, она не совсем точно оценила реакцию высокого красавца с фигурой атлета, но и его внимание ей явно польстило.

А Леня вздохнул и отвернулся к иллюминатору. Крушение надежд всегда неприятно. Даже не так! Крушение идеалов. Вот он эту девушку с дурацким именем Анджела, с этой дурацкой буквой «д» в простом имени Анжела, в своих мыслях и мечтах наградил множеством достоинств, а она оказалась пустышкой. Неприятно? Очень!

За окном плыла и плыла вековая тайга. Зеленые сопки вздымались и опадали седловинами и распадками. И все это сверху смотрелось, как пушистый ковер с зеленовато-бурым ворсом. Изредка зияли проплешины прошлогодней гари, которая медленно зарастала древесным подростом, да блестели, как чешуя огромного змея, мелкие речушки. Они вились, то расползаясь вширь каменистыми отмелями, то прятались под кронами деревьев в узких теснинах каменных русел.

Миша что-то без остановки болтал, видимо, травил байки, развлекая девушку. Леня перестал злиться на этого сытого красавца, испытывая даже некоторое злорадство, что с этой девушкой его ждут сплошные разочарования. И проблемы. Глупенькая девушка – это как неисправный механизм. Вроде и работает все, и тянет, а все время какие-то сбои, нарушение отдельных функций, без которых и механизм уже не механизм.

И тут до Лени дошло, что ассоциации с неисправными механизмами в его голове появились не без основания. Самолет стал заметно терять тягу. Что-то там происходило, как-то не так ровно работал двигатель. Вдруг он увидел, что из четверки мужиков впереди сидят на сиденьях только трое. А четвертый куда делся? И когда? Вон и дверь к пилотам приоткрыта. Туда ушел? Что-то серьезное?

Самолет неожиданно резко клюнул носом и пошел терять скорость с нарастанием какого-то гула. Леня даже почувствовал, как отрывается от сиденья. Что за чертовщина? Этого только не хватало! Он нащупал застежки ремней и пристегнулся к креслу, стиснув зубы. Если мотор работает, то пилоты должны вытянуть. Эти старые «Аны» тем и хороши, что в состоянии планировать, что их можно посадить почти на любую площадку. Черт, какие площадки в непролазной тайге. Тут же одни стволы...

Мысль о том, что самолет вот-вот разобьется, была неприятной, но все же Леня не терял присутствия духа. Ему приходилось рисковать жизнью, и не раз, а тут всего лишь перебои в моторе.

– Пристегнитесь, – повернув голову, сумел выдать он, как самолет резко стал выходить из пикирования, задрав нос вверх, и всех сразу вдавило в сиденья до отказа.

Потом он завалился набок, потом снова стал выправляться. Леня ясно почувствовал, как падает тяга самолетного двигателя. Они теряли высоту, теряли катастрофически, а внизу, насколько он мог судить, стояла стеной тайга. Еще несколько сот метров потери высоты, и они просто разобьются об эту стену. Только бы...

Самолет резко упал на левое крыло, входя в разворот со скольжением на плоскость. Двигатель чихнул несколько раз, даже в салоне запахло гарью и каким-то смрадом то ли горящего масла, то ли перегретого двигателя. Леня успел увидеть впереди почти прямую полосу, лишенную деревьев. Ширина метров в тридцать! Но что это за полоса? И только когда самолет совсем снизился и пошел вровень с верхушками деревьев, он понял, куда садился их самолет. Это так называемая каменная река. Камни, валуны, огромные и не очень, просто слежавшийся щебень, принесенный из верховьев или размывтый тут, в русле. И вода течет под этими камнями. Если хотя бы один раз самолет ударится колесом об огромный валун, да на такой скорости почти в двести километров в час...

Удара не последовало. Сосны и ели понеслись сбоку, как верстовые столбы, Леня стиснул руки на подлокотниках и постарался смотреть только вперед, на дверь пилотской кабины. Удар! Нет, этот слабый, это лишь касание колесами... Удар, еще удар... Длительная дикая вибрация, когда колеса самолета поскакали по камням. Сейчас пилоты в кабине пустили в ход все рычаги, работают всеми закрылками и элеронами, хотя какая там «механизация» крыла у «кукурузника». Хоть скорость гасится, и то хорошо...

И вдруг страшный удар с невероятным хрустом! Самолет клюнул носом, потом его подбросило, и он завалился на левый бок, ломая со страшным скрежетом плоскости, раздирая обшивку левого борта... Корпус развернуло на девяносто градусов, рывок! Правая пара плоскостей выдержала удар и не дала самолету перевернуться. Но сила инерции была еще настолько велика, что машина снова развернулась на подломленной стойке шасси и резко остановилась, зарывшись изуродованным брюхом в камни. Страшный треск ломающегося корпуса, крики, грохот, сверкнувшее перед глазами солнце, и Леня на миг потерял сознание.

Очнулся он довольно быстро. Наверное, полностью не терял сознания, потому что где-то на его грани продолжал слышать и ощущать. Но только открыв глаза и потрянув головой, Леня воочию убедился, что остался жив чудом. Самолет буквально разломился на части, и сейчас перед его глазами голубело небо и зеленела тайга. Левого борта как не бывало, в правом была такая дыра, что сиденье самого Лени держалось на честном слове. А еще он понял, что ему повезло с привязными ремнями. Они, как выяснилось, не у всех выдержали страшной нагрузки.

Ломая ногти, он озирался и пытался расстегнуть замки своих ремней. Четверо мужиков на передних сиденьях копошились, выбираясь из груды покореженного металла и сорванных кресел. Прямо перед ним висела на ремнях Анджела, бессильно свесив голову. Лицо у девушки было бледным, но грудь судорожно вздымалась. А вот Мишины ремни не выдержали, он теперь лежал лицом вниз на сорванных креслах. Под ним копошились женщины, которые еще не

видели, что голова их спутника – солидного дядьки – раздроблена до такой степени, что видно серое вещество мозга. Рядом кто-то стонал и плакал, гремя обрывками металла. Это оказался парень с заднего сиденья, который никак не мог вытащить свою окровавленную подругу.

Пахло авиационным керосином, болью, отчаянием и смертью. Причем смертью приближающейся. Это Леня почувствовал очень четко. Выбравшись из своего кресла, он постарался оценить ситуацию. Упершись ногами, приподнял сиденье девушки и отвалил его в сторону. Парень, глотая слезы, тут же принялся расстегивать замки ремней. Еще секунда, и девушка упала ему в руки.

– Неси ее, – не узнавая своего голоса, прохрипел Леня, – вон туда, на отмель. К деревьям.

Ударившись коленом обо что-то и сообразив, что у него кружится голова, он стал вести себя осторожнее. Подобрался, перешагивая через рваный металл, к креслу Анджелы и стал расстегивать ремни. Несколько рывков, и они лопнули, Леня еле успел подхватить ее, чтобы она не ударилась лицом о металл.

Анджела застонала и закашлялась. Он взял ее на руки и стал выбираться из самолета. Где-то впереди шел паренек, несший свою девушку, который все время падал и ронял ее. Леня понял, что она мертва. Так раненые на руках не висят. Сзади что-то с грохотом упало, и раздалась матерная ругань. Из самолета выбирался пришедший в себя Михаил. Леня положил Анджелу на камни и обернулся. Миша стирал с лица кровь, но, кажется, в остальном ему повезло.

– Миша, отнеси ее к лесу, – попросил Леня, – я вернусь. Там помочь надо женщинам.

Миша даже не посмотрел на него, кажется, и не услышал. Пришлось схватить парня за ногу и дернуть. Он споткнулся, упал на колени и только теперь осознал, что с ним кто-то разговаривает и что есть еще люди вокруг.

– Очнись! – попытался крикнуть Леня. – Миша, помоги, Анджеле плохо! Тащи ее к лесу, тут сейчас все взорвется!

Парень вытаращился на Леню и стал отползать, упираясь пятками в камни и помогая себе руками. Леня догнал его, схватил за грудки и как следует потрянул. Это не помогло, и пришлось дважды ударить предпринимателя по лицу. Боль в разбитой губе привела его в чувство. От посмотрел на Леню уже осмысленно, потом стал озираться по сторонам.

– Живы... Мы живы... что такое, как все это...

– Иди сюда, придурок! Возьми Анджелу, она ранена. Отнеси ее к деревьям! Ты понял меня?

Миша наконец снова сфокусировал свой взгляд на Лене и послушно подставил руки, когда тот положил в них стонавшую девушку. Убедившись, что предприниматель побрел в нужном направлении, Леня кинулся назад к разорванному корпусу самолета. Сначала помог выбраться женщине со сломанной рукой, которая тихо плакала и все дергала за руку труп своего мужа. Потом вытащил девушку с остекленевшим взглядом. Она была цела, если не считать многочисленных порезов и ушибов, но находилась в какой-то прострации.

Больше в салоне никого не было. Леня увидел, что четверо мужчин благополучно удалились от самолета на приличное расстояние и повалились на траву. «Скоты», проворчал он и стал оттаскивать женщин в сторону.

– Саша, Сашенька... там... – всхлипывала старшая из женщин и все пыталась вырваться и вернуться, но была обессилена настолько, что Лене не составило труда увести обеих подальше.

И тут раздался хлопок. Взорвался топливный бак, и хвостовую часть самолета охватило пламя, рвущееся спиралями вверх. Леня усилил нажим, уводя женщин от жара огня. Только теперь со стороны он увидел, в каком состоянии была кабина пилотов. От удара моторный отсек ушел в кабину, сплющив ее. После таких повреждений выжить практически невозможно.

Леня добрался наконец до травы и повалился на землю. Голова у него кружилась, и хотелось пить.

Кто-то рядом стонал, кто-то из женщин плакал. Он лежал с закрытыми глазами, размышляя о том, что же со всем этим делать, и вдруг услышал, как кто-то сказал, что вода под камнями сносит горящий авиационный керосин, и сам самолет не горит, только его хвостовая часть, да и та скоро гореть перестанет.

Леня открыл глаза и посмотрел. Обсуждали ситуацию как раз те четверо, что сидели во время полета в самом начале салона, да и сейчас держались особняком. Тот, который хромал, завернул штанину, и он увидел, что нога у него на уровне икры плотно забинтована, а сквозь бинты проступает кровь. Странно, он что, с раненой ногой в самолет сел? Смысл? Почему не обратиться в больницу?

Леня сел, поняв, что может уже более или менее связно рассуждать, и проводил взглядом двоих мордатых, двинувшихся куда-то вверх по руслу реки. Черт с ними, решил он, пусть сами по себе живут, и повернулся к Андже, которая сидела, уткнувшись лицом в сложенные на коленях руки:

– Ну, как ты? Теперь легче?

– Что будет дальше? – тут же вскинула голову девушка. – Мы все тут умрем, да?

– Ерунда какая, – улыбнулся Леня через силу. – Мы живы, и теперь все будет хорошо. Нас найдут, мы же не в джунглях упали.

Он знал, что говорит чушь. Тайга ничем от джунглей не отличается, если только более северным типом растительности да ее названием. А плотность такая же, увидеть маленький самолет и группу людей с воздуха практически невозможно. Положение у них, на его взгляд, было плачевным. Но надо что-то делать и как-то бороться за выживание. Леня поднялся и подошел к двум женщинам. Старшая баюкала поврежденную руку и тихо постанывала, младшая смотрела на нее все тем же невидящим взглядом, и по ее щекам обильно и беззвучно текли слезы. Кажется, обе были в шоке от всей этой трагедии, а больше всего от гибели близкого им человека.

Он подсел к ним и спокойно проговорил:

– Нас обязательно спасут. И тело вывезут. Вы сможете его по-человечески похоронить. Никто нас в тайге не бросит.

– Он там, – прошептала женщина. – Он один там в самолете, а мы здесь с Катенькой.

Леня посмотрел на девушку, которая на свое имя не отреагировала. Надо расшевелить их разговорами, иначе они могут впасть в такой ступор, что намучаешься с ними или придется их бросить, если появится возможность уйти отсюда.

– Она ваша дочь? – спросил Леня.

– Дочь? – жалобно посмотрела на него женщина и покачала головой. – Невестка. А там мой муж. Был.

– У вас, наверное, сломана рука. Сейчас я придумаю, что можно сделать. Давайте я осматрю ее.

Леня решительно взял женщину за локоть, положил поврежденную руку себе на колени и стал осторожно прощупывать состояние кости. Кажется, перелом довольно простой, убедился он, когда женщина слабо вскрикнула. Отойдя к деревьям, Леня нашел пару сухих веток толщиной сантиметра в три, положил каждую на камень и ногой обломал до нужной длины. Большим платком с плеч самой женщины примотал руку к этой самодельной шине, а оставшиеся концы платка использовал для того, чтобы завязать на шее. Теперь рука была зафиксирована и находилась в покое.

– Миша! – позвал он предпринимателя.

Парень поднял голову и посмотрел равнодушно и обреченно. Это плохо, это совсем никуда не годится! Разозлившись, Леня присел рядом с Михаилом и прошипел ему в лицо:

– Слышь, ты! Ну-ка, подбери сопли! У нас толпа женщин, у нас раненые, нам их спасать надо! А у меня мужиков с гулькин нос. Соберись, Миша! Возьми Анджелу, посади поближе к женщинам и сам посиди с ними. Успокаивай как хочешь, веди какие хочешь разговоры, но только добейся того, чтобы они поверили, что нас скоро спасут и что нам не угрожает опасность. Понял?

Михаил смотрел на Леню какое-то время, потом в его глазах мелькнуло понимание. Он молча поднял Анджелу и подвел ее к двум женщинам. Они уселись рядом и стали смотреть себе под ноги. Леня сплюнул от злости, но решил пока больше не вмешиваться, и подошел к пареньку, который сидел рядом с трупом своей девушки.

– Тебя как зовут? – спросил он, усаживаясь рядом так, чтобы парень смотрел на него, а не на тело.

– Алексей, – уныло ответил тот. – Че, хана нам? Кругом тайга, зверье и до жилья месяц ходу?

– Ты книжки про героев читал? – вопросом на вопрос ответил Леня. – Вот тебе и представлялась возможность стать героем и спасти людей.

– Я не умею ходить по тайге, – покачал головой Леша. – Не дойду.

– А от тебя этого и не требуется. У нас женщины, одна ранена. Хватит хандрить, пора приниматься за спасение тех, кто живой.

– Да, – кивнул Лешка. – Кто живой. А она умерла... Жутко, наверное, ей было. Я любил ее, а вот спасти не смог.

– Никто ничего не смог бы сделать, – жестко отрезал Леня. – Выжили те, кому повезло. А о ней не беспокойся, она не мучилась.

– Откуда ты знаешь?

– Опыт подсказывает. Когда случается перелом шейных позвонков, то смерть мгновенная.

Леня врал, но врал умышленно уверенным голосом, чтобы успокоить Алексея. Он прекрасно знал, что с переломами позвонков в любом месте люди часто очень страдают, но говорить пареньку об этом сейчас не стоило. Поэтому он просто положил руку ему на плечо и сказал:

– Ты, Леша, приходи в себя. Сейчас о живых думать нужно.

– Я понимаю, – кивнул парень и накрыл лицо мертвой девушки полкой ее куртки.

Леня не успел заметить, когда вернулись двое мордатых мужиков. Он вдруг увидел, что злобная четверка роется в больших черных сумках. Откуда сумки, куда эти двое ходили? Надо с ними поговорить и как-то определиться с тем, что всем делать дальше.

Но Леня не успел ничего предпринять. Это было как наваждение, как дурной сон. Он сразу узнал контейнер, в котором в сейфе его лаборатории хранились новые образцы нано-препаратов. Один из мужчин перекладывал этот небольшой пластиковый контейнер в один из рюкзаков, и его рука замерла на весу. Леня успел прочитать код на контейнере. Как, почему, что произошло? Он ведь всего несколько часов как выехал из центра! Так вот, значит, все из-за чего, это – похищение. Угроздило же попасть с ними в один самолет! Хотя, может, это и к лучшему, может, есть шанс? Этим препаратом коллектив лаборатории занимался по спецзаказу почти год.

Один из мужчин, с маленькими глазами и бритым черепом, подошел к группе пассажиров и спросил:

– У кого четвертая группа крови?

– У меня, – машинально ответила Анджела, не поднимая головы. – Резус положительный.

– Хорошо, пойдешь с нами, – вдруг сказал бритоголовый и легко поднял девушку, взяв ее под локоть.

– Что? – опешил Леня. – Куда пойдет? Зачем? Вы что придумали?

– Слышь, бледнолицый, – посмотрел на Леню главарь, – потухни, а то я тебя успокою.

Анджела наконец осознала, что происходит что-то не совсем правильное. Она вдруг стала тихо вырывать свою руку. Еще двое мужчин подошли к группе пассажиров. Один из них просто взвалил девушку на плечо и понес в сторону, где сидел четвертый и лежали странные сумки. Второй, щуплый и с наколками на руках, захихикал, но держался за спиной бритоголового. Тут вдруг очнулся Михаил, вскочил на ноги и ринулся грудью на главаря.

– Эй-эй, вам права никто не...

Короткий, почти незаметный удар в солнечное сплетение заставил предпринимателя согнуться пополам и хрипло закашляться. Бритоголовый похлопал его по плечу, а потом рывком за воротник куртки отправил тело Михаила в полет на камни.

– Уговорил, ты тоже пойдешь с нами, – заключил он, переводя тяжелый взгляд с одного лица на другое.

Леня сдерживался, но все же выдал свои намерения движением ноги. Бритоголовый мгновенно выдернул из-за спины пистолет, навел его на Леню, отрицательно покачав головой, потом так же многозначительно повел черным дулом по группе других пассажиров и выкрикнул:

– Всем сидеть и не рыпаться, а то пристрелю любого! Мне это легко! Если послушаетесь и останетесь здесь, то я обещаю прислать за вами помощь, если сунетесь за нами – убью. Не потому, что я такой жестокий, хотя я на самом деле жестокий, а потому, что всех тащить не намерен. Девушка нужна для переливания крови моему товарищу. Этот пухлый – чтобы тащить ее. А остальным – сидеть тут и ждать помощи! Все!

Логика в словах этого типа была, отрицать глупо. Но пистолет, но жестокое и бесцеремонное обращение с другими людьми говорили об обратном. Эти четверо не те, за кого себя выдают. Точнее, они себя вообще ни за кого не выдавали, они просто делали то, что хотели и... Леня опешил, когда увидел, что четверка зловещих типов с недобрыми глазами вдруг начала извлекать из сумок сапоги, «энцефалитники»⁶ и автоматы со сложенными прикладами.

Теперь стало окончательно ясно, что вынужденная посадка запланирована, что эти сумки были здесь приготовлены заранее. И этим людям нужно скрыться. Причем они готовы убивать, если кто-то им помешает. Иными словами, это были бандиты, и двое пассажиров нужны им как заложники, а может, Анджела нужна и как донор. Наверное. Попробовать сейчас отбить Мишу и девушку не стоило, потому что его просто пристрелят. Чувствовалось в повадках этой группы зловещих людей что-то, что говорило о безжалостности, опыте и решительности.

Пассажиры удивленно и со страхом смотрели на четверых мужчин и на Леню, в котором почувствовали человека, который в состоянии помочь им. К счастью, никто больше не сделал попыток к сопротивлению. Даже Миша безропотно поднялся с земли и пошел туда, куда его подталкивали бандиты. И Анджела тоже как-то успокоилась, когда он к ней подошел.

Леня стоял и смотрел, как группа из шести человек двинулась на север по руслу каменной реки, держась левого берега, где камни были помельче. Итак, эти ушли, взяв заложников! Мозг Лени Владимирова заработал в некогда привычном направлении. Значит, задача предельно проста в теории. Первое, нужно обеспечить возможность выживания оставшихся пассажиров в районе падения самолета, а также извещения спасательных служб о трагедии. Второе, нужно попытаться спасти Анжелу и Михаила из лап бандитов. Проблемы, что делать с самими бандитами, не существовало, это как получится по ходу дела. Или перебить, или захватить, если

⁶ Специальные костюмы противэнцефалитной защиты, то есть защищающие от укусов клещей. В различных современных разработках применяются как простые строчки, обращенные вниз, которые клещ не в состоянии преодолеть, так и специальные ловушки, пропитки ткани и т. п. Костюмы используются специалистами тех профессий, которые вынуждают их находиться в течение продолжительного времени в районах, где существует повышенная опасность поражения клещами – переносчиками энцефалита.

будет такая возможность, а потом пусть с ними правоохранительные органы разбираются. И уж конечно, надо спасти препарат!

И Леня бросился осуществлять задуманный им план. Первым делом надо пробраться в кабину пилотов. Изуродованная переборка, отделявшая кабину от пассажирского салона, навела его на мысль, что без специального инструмента ему туда не пробраться. Он обошел нос самолета снаружи и обнаружил, что пробраться в кабину можно с правой стороны, где повреждения были меньше, где боковая пилотская дверь смялась не внутрь, а наружу.

Несколько рывков, и дверь отлетела в сторону. То, что предстало перед взором Лени, заставило его поморщиться и подумать о том, что хорошо, что никто из женщин не видит этого. Да и из мужчин тоже. Тела пилотов были страшно изуродованы измятым и покореженным металлом. Кровь запеклась на полу, на днище самолета. Она уже не капала в воду, что струилась между камнями, но на самих камнях осталось много запекшейся крови. Идею вытащить тела и похоронить пришлось пока отложить.

Леня по пояс забрался в кабину и стал искать в задней части отсек, где хранился аварийный контейнер. Вот он! Железный ящичек был закрыт герметично и сохранил бы содержимое в целости, пролежав годы в воде. Вот от огня он бы его не защитил. И хорошо, что самолет не весь был объят пламенем и что огонь вообще уже утих.

Выбросив контейнер на землю ближе к пассажирам, Леня позвал Алексея и стал подавать ему из пассажирского салона вещи, которые, по его мнению, могли быть полезны в данной ситуации. Кое-что из снаряжения геологов, что они отправляли в Читу, сумки пассажиров, где скорее всего есть еда, теплые вещи, лекарства. Отдельно и очень аккуратно он перенес к деревьям свой кейс с препаратами лаборатории, которые вез в Читу.

Через два часа под деревьями из двух рваных палаток удалось соорудить вполне приличный навес. Раненой женщине Леня сделал укол обезболивающего, ракетницу отдал Лешке, объяснив, как ею пользоваться, а вот с передатчиком ему пришлось повозиться. Что-то с ним случилось, и штатный аварийный радиомаяк не работал. «Комар»⁷ не пищал.

Неожиданно на помощь пришел Алексей. Он молча взял из рук Лени прибор, покрутил его, потом хмуро выдал диагноз, что батарея разряжена. Это было ударом. О мертвых плохо не говорят, но погибшие летчики отличались некоторой халатностью, раз не следили за состоянием своего НАЗа, как именовался в авиации неприкосновенный аварийный запас.

– Что делать? – не столько обращаясь к пареньку, сколько размышляя вслух, произнес Леня.

– Аккумуляторы самолета, – угрюмо сказал Алексей. – Если отсоединить часть банок в нем, то можно подключить и передатчик.

– Ты что, разбираешься в этом?

– Немного. У меня дядька на аэродроме работал техником по электрооборудованию. Я часто бывал у него. Интересно все-таки. Авиационная никель-кадмиевая аккумуляторная батарея 20НКБН-25-У3, 24 вольт.

– Давай, Леха! Дерзай! – обрадовался Леня. – Я попробую еще кое-что предпринять, а ты займись аккумуляторами. Знаешь, где они располагаются?

– Конечно. Под полом. Там и вскрывать нечего, вон как все разворочено.

Леня убедился, что Алексею не придется лезть к трупам в изуродованную пилотскую кабину. Зрелище не для слабонервных. Достаточно и того, что у них два трупа прямо перед глазами, и с ними придется что-то делать. Но это все потом, потом. Сейчас надо выяснить,

⁷ Радиомаяки «Комар-2М-КОСПАС» и «Комар-2МП-КОСПАС» предназначены для наведения поисковых средств на место нахождения объектов различного назначения или потерпевших аварию членов экипажей летательных аппаратов путем подачи специальных радиосигналов в международной спутниковой системе поиска и спасания КОСПАС – САРСАТ.

куда ходили двое бандитов, откуда они принесли свои сумки со снаряжением и оружием. Эта информация поможет в общей оценке ситуации, она многое объяснит.

Леня снова подошел к женщинам, сидевшим под навесом. Та, что помоложе, уткнулась носом в брезент и лежала не шевелясь. Вторая сидела и изредка гладила свою руку, глядя на самолет потухшим взором. Когда Леня подошел, она даже не посмотрела на него.

– Мы скоро наладим передатчик и сообщим о нашей беде, – громко сказал он.

Женщина медленно подняла на него глаза, в которых ничего не изменилось. Она посмотрела на плечо Лени и сказала:

– Вы поранились. У вас кровь на одежде.

Леня покосился и понял, что вывозился в крови пилотов, когда доставал аварийный контейнер. Отмахнувшись с легкомысленным видом, он побежал вверх по реке, перепрыгивая с камня на камень. И только отойдя метров на пятьдесят, снял куртку и посмотрел. Да, ну и видок у него был! Фактически весь бок и вся спина в крови. Пришлось снять куртку и рубашку и постирать их. Пятна немного побледнели и уже не так бросались в глаза. Зато по телу побежали мурашки. Так и замерзнуть недолго. Леня быстро оделся и помчался между деревьями в единственно возможном направлении – по днищу небольшого распадка, что уходил в северо-западном направлении. От разгоряченного тела одежда высохнет быстрее.

Через несколько минут он перешел на шаг, а потом остановился. Среди зарослей виднелась потемневшая и провалившаяся крыша старого зимовья. Обойдя бревенчатое строение вокруг, он убедился, что тут очень давно не ступала нога человека, в том смысле, что тут никто не жил годами. А вот следы двух человек, что продирались сегодня, он увидел. Видел и отставленную в сторону прогнившую дверь.

Внутри ничего интересного Леня не нашел. Очаг совсем развалился, лежанка рассыпалась в труху, от крыши остались лишь почерневшие жерди. Сумки, судя по следам, стояли где-то возле очага. Что ж, теперь все понятно. Понятно, что за этими ребятами тянется нехороший след из города, понятно, что они подстроили это «крушение» в заранее продуманном месте. Значит, все предусмотрено, даже заложники.

Обратно Леня шел медленно, обдумывая ситуацию. Однозначно, что в большей опасности находится эта глупышка Анджела и самодовольный, упавший духом предприниматель Михаил. Бандиты их в живых все равно не оставят. Особенно в том случае, если беспрепятственно доберутся до своей цели. А ведь доберутся. Чувствуется в них опыт, подготовка.

В таком случае ему придется оставить на месте падения самолета трех пассажиров в надежде, что их скоро спасут. Если он сам с ними останется, можно быть уверенным, что все выживут. А если оставить двух женщин на попечение этого паренька – Алексея? Сможет он их защитить от хищников, непогоды? В тайге ведь тигры бродят, и с медведем можно встретиться. Тут не только гадюки, тут даже щитомордники встречаются. А их укус в данном случае практически смертелен без вакцины. Щитомордник не кусает, как другие змеи, у него ядовитый зуб торчит вперед. Он бьет головой и прокалывает иногда даже старую кирзу сапог. Для безопасности нужны резиновые сапоги, которые себе приготовили бандиты.

– Ну как? – Леня подошел к Алексею.

Вокруг паренька были разбросаны аккумуляторные банки и инструмент, вытасченный, видимо, из самолета. Судя по очень бледному Лехиному лицу, он все-таки заглядывал в кабину пилотов, но держался просто отлично, даже костер успел развести возле навеса.

– Нормально, – тихо ответил Леша. – Работает. Валентине вон плохо, а Нина Ивановна ничего, держится.

– Валентина – это, надо полагать, та, что помоложе, а Нина Ивановна – та, что со сломанной рукой? – немного смущенно спросил Леня. – Вообще-то мне надо было давно со всеми перезнакомиться. Теряю хватку.

– Какую? – тут же спросил Алексей.

– Не важно, – пробормотал Леня, думая о своем. – Хватку общения с людьми. Ладно, пойдем к женщинам, поговорим о наших делах. Только ты, Лешка, держись молодцом и во всем меня поддерживай. Им ведь надеяться больше не на кого, кроме как на нас двоих.

Леша кивнул, заботливо укутал передатчик в полиэтилен, чтобы на него не попал возможный дождь, и пошел к навесу за Ленией, держась в самом деле прямо и уверенно.

– Ну, теперь все будет хорошо! – заявил Леня, усаживаясь рядом с Ниной Ивановной и положив руку на плечо молча лежавшей Валентины. – У нас заработал радиомаяк, и теперь нас быстро найдут.

– А как они узнают, что нас надо искать? – поинтересовалась женщина.

– Потому что мы не прилетели к месту назначения, потому что передатчик постоянно выдает в эфир код запроса помощи и дает пеленг. Теперь дело каких-то часов. Я оставляю вам запасы из НЗ и Алексея. Он парень надежный и смелый...

– А вы куда? – подняла голову Валентина и посмотрела на Леню красными от слез глазами.

– У нас ведь есть еще двое пассажиров, нуждающихся в помощи, – напомнил Леня. – Не забыли? А те, кто их насильно увел, – бандиты. Надеюсь, вы это поняли.

– А если они вернуться? – Глаза Валентины снова наполнились страхом и слезами.

– Исключено. Вы видели эти сумки, что они принесли из тайги? Так вот, в них не только оружие, но и снаряжение и все необходимое для выживания в тайге. Я нашел место, где эти сумки прятали.

– Значит, наше крушение не случайное? – первым догадался Алексей.

– Не случайное. Тут есть неподалеку заброшенная и совсем сгнившая заимка, фактически развалины. Вот там и были приготовлены эти сумки. Не вернуться они, потому что убегают, потому что совершили что-то очень нехорошее. Нельзя им возвращаться, они понимают, что за ними будет погоня. А лучше всего спрятаться в тайге, и уходить лучше через тайгу. Там черт ногу сломит.

– Ты хочешь догнать их и напасть?

– Я их догоню и сделаю все возможное, чтобы освободить Анджелу и Михаила. Вы за меня не переживайте, у меня за плечами хорошая, очень хорошая подготовка...

– Это тайга, – угрюмо напомнил Алексей.

– Я знаю, что такое тайга, я тут вырос.

– Но как ты пойдешь без всего?

– Из всего мне надо... – Леня перебрал сложенное на брезенте имущество из аварийного набора и вещей, вытащенных из салона самолета. – Из всего я возьму вот этот рюкзачок, теплый свитер, моток веревки из аварийного набора, бинокль, зажигалку и нож. Топор оставлю вам, спички, продукты – тоже. Возьму еще кусок полиэтилена, под ним хоть от дождя можно будет спрятаться, пересидеть или идти, завернувшись, как в плащ.

– Возьми, – протянул герметичный пластиковый контейнер Алексей. – Хоть шоколад в него положи и банку консервов.

– Ладно, но больше ничего. – Леня выразительно посмотрел на паренька, чтобы тот понял, что уговаривать не стоит. Не хотелось Лене напоминать, что поисковая партия может добраться до этого места и через сутки, и через двое, и... ну, это уж в самом деле крайний вариант. Лучше о плохом не думать. – А теперь нам осталось выполнить еще один долг.

Похлопав Алексея по плечу, Леня повел его к самолету. Вдвоем они освободили тело мужа Нины Ивановны от ремней и вытащили на берег. Тела его и погибшей девушки Алексея отнесли метров на тридцать ниже по течению и уложили на камни. Если долго не будет спасателей, то запах разложения будет уносить вдоль русла вниз. Правда, еще оставались росомехи, которые могли добраться до тел, а это будет зрелищем не для женских глаз. Пришлось дать Алексею задание натаскать камней и завалить тела. Тот молча кивнул, хотя видно было, как

его передернуло. Трудно свыкнуться с мыслью, что твой любимый человек мертв, что это лишь мертвое тело. И не у всякого поднимется рука наваливать на него тяжёлые камни, не всякий сможет себя убедить, что ему уже не больно.

Пожав Алексею руку и сказав ещё несколько ободряющих слов, Леня подошел к женщинам, обнял каждую, заверив, что помощь прилетит ещё до ночи или в крайнем случае завтра. Потом надел рюкзак и быстрым шагом двинулся в ту сторону, куда ушли бандиты.

Глава 3

Дима Ливанов открыл глаза, когда шаги за дверью затихли. Больше часа он разыгрывал из себя потерявшего сознание человека. А так хотелось потрогать то место на груди, куда угодила пуля, с наслаждением постонать и поморщиться. Иногда это приятно, вроде как потешить себя простыми мирскими слабостями. Открыв глаза, он откинул одеяло и потрогал грудь. Болело! Несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. Больно, но не так сильно. Ребра... он помял бок руками. Ребра целы, хотя синяк, наверное, приличный. Задрав абсолютно идиотскую больничную рубашку, похожую на женскую «ночнушку», он осмотрел место ушиба и подумал: «Все-таки хорошие нам поставляют «броники». Обычный, даже высокого класса бронежилет, защищает от проникающего ранения, а вот страшные гематомы, сломанные кости и внутреннее кровоизлияние вполне возможны.

Больничная палата была пуста, если не считать какой-то аппаратуры на хромированных столиках с колесиками. Шкафчик, тумбочка у изголовья, двери. Одна, видимо, ведет в санузел, вторая – выход из палаты. Хорошее ему помещение досталось, VIP-палата, не иначе. Полежать бы в такой, полечиться, только времени нет совсем. Ох! Дмитрий неосторожно повернулся и согнулся, схватившись за бок, все-таки ушиб основательный. Правда, в его снаряжении имелись кое-какие медикаменты, включая и обезболивающее.

Дмитрий посмотрел на настенные часы и прикусил губу. Время, время! Осмотр помещения показал, что ничего из его личных вещей здесь нет. Правда, в верхнем ящике тумбочки лежали его наручные часы, бумажник с пластиковой банковской картой, носовой платок. Из очень интересных гаджетов специального назначения у него в карманах была авторучка, зажигалка и часы. Хорошо, что кому-то из персонала клиники пришлось в голову оставить эти часы пациенту.

Часы как часы. Выглядят чуть ли не архаично, напоминая те самые японские, которые появились в России еще в восьмидесятых годах: комплект делового человека – часы и калькулятор в одном приборе. Маленький квадратный экран, ряд кнопок сбоку. Только никто из посторонних не знает, что этот маленький аппарат выполняет еще несколько функций.

Осторожно ступая босыми ногами, Дмитрий подкрался к входной двери и прислушался – тихо. Одним пальцем отодвинул полоску вертикальных жалюзи, что закрывали стеклянную перегородку. Точно, крепкий мужественный затылок, плавно переходящий в шею, а потом в черную форму ОМОНа. Извини, дружок, ничего личного!

Набрав на клавиатуре часов нужную комбинацию, он нажал кнопку «=». Из-под днища часов тихо выскользнул кончик тонкой иглы. Всего игл было три: одна с нервно-паралитическим составом, вторая с сильнейшим усыпляющим средством, а эта, что вылезла сейчас и жадно поблескивала своим тончайшим кончиком, имела в себе препарат гипнотического свойства. Не ахти какая оригинальная вещь, если учесть, что использование медикаментов для облегчения индукции гипноза началось еще в конце XIX века, в первой половине XXI подобного рода препараты довели почти до совершенства.

Дмитрий решительно толкнул дверь, сделал удивленное лицо со следами протрации и зашлепал босыми ногами по линолеуму коридора. Своей выходкой он преследовал сейчас две цели: во-первых, надо было осмотреться, понять обстановку и оценить ситуацию, а во-вторых, сыграть роль раненого и не совсем вменяемого человека. Это уже для охранника у дверей.

Коридор уходил далеко направо и заканчивался изгибом под девяносто градусов. Судя по освещению, окон в том крыле не было, или в коридор выходили двери кабинетов и палат. А вот в левом крыле было целых шесть окон, в которые весело било солнце. И заканчивался он лестницей...

– Эй, эй, эй! – раздался сзади решительный и немного насмешливый голос. – Болезный, ты куда?

Дмитрий обернулся, состроив страдальческую мину. Омоновец был на полголовы ниже его, но зато наполовину шире в плечах. Мощный парень, самоуверенный, опытный. Из оружия один пистолет, кажется, «стечкин», в отдельном кармашке, естественно, наручники. Лицо насмешливое, широкое, крепкий подбородок и выпуклый лоб. Внушительная внешность, только все это сейчас значения не имело.

– Мне домой надо! – заныл Дмитрий, еле сдерживаясь от смеха. Он представил, как сейчас выглядит в глазах этого омоновца. – Меня мама ждет, она печеньки купила.

– Э-э, – покачал головой омоновец, – как тебя накрыло! Беда! – Он почти по-отечески взял Дмитрия за локоть и стал подталкивать в сторону палаты. – В постельку иди, в постельку. Мама скоро придет, молочка принесет.

– Правда? – расплылся в довольной улыбке Ливанов и кольнул омоновца в плечо. – Посмотри мне в глаза, дружок, внимательно посмотри. Мне соринка в глаз попала. Видишь? В глаза смотри...

Он видел, как омоновец сначала нахмурился и потер уколотое место, а потом свел брови и стал внимательно всматриваться в зрачки больного. Пошло дело! Дмитрий и без препаратов не очень плохо владел гипнозом, был у него такой дар, который он в свое время попытался развить. Ну а со специальным препаратом это вообще не проблема. В девяноста случаях из ста.

– Смотри и слушай меня, внимательно слушай! Я сейчас буду говорить, и ты поймешь, что это важно, очень важно! Мы с тобой должны спасти мир, спасти людей. Смотри мне в глаза. Ты будешь мне верить, ты будешь делать все, что я прикажу. Это твой долг! А теперь скажи мне, как тебя зовут?

– Александр! – с готовностью выпалил омоновец. – Прапорщик Лысаков!

– Запоминай, Саша, это крайне важно, – тихо заговорил Ливанов. – Нужно найти мою одежду. Мы сейчас пойдем с тобой вместе искать начальство, сестру-хозяйку и мою одежду. Ты всех убедишь, что нам срочно надо ехать к следователю, потому что у меня для него сведения очень срочные и очень важные. Мобильный телефон тут не берет! Понимаешь?

– Понимаю, – сглотнул омоновец, таращась в глаза Ливанову. Он уже проникся важностью ситуации.

– А проводная связь нарушена, только ты об этом никому не говори, чтобы не наводить панику. Понял?

– Так точно!

– Главное, не вступать ни с кем в пререкания и объяснения. Стой на своем, требуй мою одежду! Все решают минуты и даже секунды, Саша!

Омоновец снова кивнул и закрутил головой в поисках того, с кого можно начать требовать. Потом решительно зашагал направо по коридору. Дмитрий, стыдливо осмотрев себя в дурацкой ночной рубашке, поспешил за ним.

Видимо, прапорщик знал, где располагалась административная часть больницы, потому что уверенно привел Дмитрия к двери без надписи. Дальше оставалось лишь наблюдать, вставляя вовремя короткие фразы и междометия и стараться не улыбаться. Кастелянша, а потом прибежавшая на шум заведующая отделением сдались под напором бравого прапорщика. Дмитрий переоделся прямо возле стеллажей с одеждой, вежливо поблагодарил персонал, стараясь не морщиться от боли в боку, и доложил прапорщику, что готов.

Пока они спускались по лестнице, омоновец пытался убедить Ливанова, что им нужно очень спешить. Сведения, которыми Ливанов располагает, по мнению прапорщика, являлись не просто важными, а крайне важными. Препарат работал! Дмитрий кивал и думал, а не перестарался ли он с внушением? Еще не хватало, чтобы этот Саша Лысаков кого-нибудь пристрелил на пике служебного рвения. Препарат неоднократно использовался и сейчас тоже дей-

ствовал безупречно. Даже когда его действие пройдет, «объект» останется под гипнотическим воздействием, пока сам Ливанов не снимет кода. Так что на этот счет можно было не волноваться.

На улице прапорщик очень решительно вышел на проезжую часть и, расставив руки, остановил первую же попавшуюся легковушку. Молодой парень в «Мазде-3» вытаращил глаза на массивную кобуру на поясе омовца, выслушал приказ и кивнул на сиденье. Прапорщик вежливо открыл Ливанову заднюю дверь, усадил его сзади, а сам сел на переднее сиденье. Всю дорогу он очень внимательно следил за дорогой и подсказывал водителю, чтобы тот торопился, но не нарушал правил дорожного движения. Ливанов на заднем сиденье прыскал в кулак, но терпел.

Минут через пятнадцать они приехали к зданию отдела полиции. Дмитрий удержался от желания оставить «Мазду» для дальнейшего передвижения по городу, решив, что с парня и так хватит страхов. Больно уж лицо у прапорщика было напряженное. Что-то там происходило в его голове, возможно, наступали друг на друга какие-то чисто психологические противоречия. Надо было спешить. И Дмитрий подкорректировал задачу, заявив, что им срочно нужно сначала зайти в лабораторию к криминалистам за снаряжением, которое у него забрали.

Дежурный взглянул на вошедших омовца и Ливанова и вопросительно поднял брови.

– Михалыч, потом! – крикнул прапорщик. – Спешим мы!

Второй этаж, кабинет направо. Дмитрий еле поспевал за омовцем, беспокоясь, как бы тот под действием гипноза не наломал дров.

– Здорово, мужики! – рявкнул Александр, входя в лабораторию. – Где тут у вас бронежилет и снаряжение, что привезли из научного центра «Байкал»?

– А в чем дело? – поправив очки на худом лице, спросил один из мужчин в белом халате, что сидел перед микроскопом. – Вам чего?

– Срочно нужно выдать вот этому товарищу его снаряжение. Это все очень важно. Приказ начальства!

– Так, тихо, тихо, – попытался рассмеяться второй специалист. – Какой приказ? Должно быть письменное распоряжение следователя. Или хотя бы устное, но от нашего начальства.

– Вот оно, – улыбнулся Дмитрий и спокойно прошел в глубь лаборатории, где на столе в большом пакете лежало его имущество, снабженное какой-то биркой с цифрами и буквами.

– Товарищи! – грозно приподнялся со своего места мужчина в очках, но прапорщик опередил его:

– Сидеть, я сказал! Преступники уходят, а вам бумажки подавай. И чтобы не двигаться у меня и телефонов не хватать!

Ни на кого не глядя, Ливанов быстро облачался в бронежилет. Двое специалистов в белых халатах сидели с напряженными лицами и смотрели на омовца. Они понимали, что он в какой-то степени «не в себе», но спорить сейчас опасались. Высокий парень умело застегнул под рубашкой бронежилет, забрал со стола изъятый для исследования пистолет «беретта», засунул его в кобуру под мышкой, потом отвел омовца в сторону и стал что-то ему говорить, глядя пристально в глаза. Прапорщик кивал.

Ливанов выскочил из помещения и быстрым шагом двинулся к лестнице, ведущей на первый этаж и к выходу из отдела. Последняя его команда омовцу была не дать никому звонить по телефонам и выходить из помещения лаборатории полчаса. Когда на настенных часах большая и маленькая стрелки сойдутся, он должен громко сам себе сказать «раз, два, три», и кодировка снимется. Только прапорщик не будет ничего помнить до утра завтрашнего дня. Ничего с ним не случится, разберутся. Главное, чтобы сейчас полиция со своим неумным темпераментом не испортила все дело.

Дмитрий поймал такси и велел везти его на аэродром. Сидя на заднем сиденье, он достал свой мобильный телефон и стал набирать sms-сообщение. Несколько секунд, и оно ушло к

адресату. Все! Теперь будет проще, теперь они их обложат. Не надо и к гадалке ходить, чтобы догадаться, что преступники ушли воздухом. В тайге иначе поступать нельзя. Тут дорог «раз-два и обчелся», не поедут они по дорогам. И на поезде не поедут. Им нужна скорость передвижения, нужен солидный запас времени, фора нужна.

Вот и аэропорт. Собственно, что такое аэропорт для поселка, в котором нет и двухсот тысяч жителей? Деревянное строение и грунтовая полоса в девятьсот метров для «Анов» и площадки для вертолетов. Ливанову до зарезу нужен был готовый к вылету вертолет. Касса, турникет для прохода на взлетное поле, мордатый полицейский старшина с металлодетектором в руке возле прямоугольной высокой рамки. Ничего, мы тут не пойдем, усмехнулся Ливанов.

Пройдя ленивой походкой к кассе, он поинтересовался, а какие есть рейсы по районам.

– Сейчас посадка будет на вертолет на Сосновскую буровую, а через час вертолет пойдет на Воронцовское и Деловой, – удивленно посмотрев на него, ответила кассирша.

– Эх, жаль! – очень артистично махнул рукой Ливанов. – Мне бы наоборот! Двое суток потеряю на переезды. Ладно, потом с геологами договорюсь, на вездеходе подбросят. Давайте мне билет на Сосновскую, а там решим на месте. – Протянув свое офицерское удостоверение, он отсчитал деньги, демонстративно зевнул, изображая «умотавшегося» в командировке человека, и улыбнулся ей: – Такова наша судьба, так сказать, планида санитарных врачей в нашей армии. За всеми глаз да глаз нужен, а посылают кого? Кто помоложе. Вот так жизнь молодая и пройдет в поездках и перелетах.

– Не пройдет, – пообещала кассирша, возвращая ему посадочные документы, вложенные в удостоверение. – По глазам вижу, что наवरстаешь. Девушки-то, небось, и в геологических партиях есть.

– Девушки? – Дмитрий оглянулся по сторонам и доверительно сообщил: – Я ни-ни. Я верный муж. А где у вас туалет?

– На улицу иди, верный муж, – усмехнулась кассирша. – Там туалет. Первая дверь слева от входа. Смотри, на посадку не опоздай.

Дмитрий хотел поблагодарить женщину, но его уже отодвинул в сторону объемистым животом дядька в яркой куртке. За ним пристроились две смешливые девчушки самого что ни на есть геологического вида. Так по крайней мере Дмитрию показалось. Напевая вполголоса попури из популярных мотивов, он отправился на улицу.

За пределами здания его интересовал совсем не туалет. Здание двухэтажное, с обеих сторон к нему примыкает забор. Не столько забор, сколько ряд столбов с натянутой на них колючей проволокой. И ворота из стального уголка и такой же проволоки, но они сейчас закрыты. Наверняка есть в здании и служебный проход, но светиться там не стоит. Дмитрий побродил, разглядывая территорию, стоянку легковых машин, аллею молодых пихт, уходящую вдоль забора куда-то в сторону. Получалось, что ему придется лезть через забор в любом случае. Но как не оставить на нем часть собственных штанов, вот в чем вопрос? Можно, конечно, отойти от здания аэропорта метров на двести-триста и там найти лазейку. Но потом-то придется уже по территории летного поля возвращаться, а его заметят сразу. Тут персонала немного, все друг друга знают в лицо.

И тут решение пришло само. Один брошенный взгляд, и ноги понесли Дмитрия к входу в аэропорт. Гомон провожающих... никто не заметил, как он скользнул по боковой лестнице на второй административный этаж. Вот и коридор. Ему нужно помещение, которое имеет третье от угла окно. Зараза, там столько голосов, как будто идет банкет. О! Туалет.

То, что туалетная комната для персонала оказалась рядом, было чистым везением. Дмитрий потянул дверь за ручку и тут же шмыгнул в кабинку, потому что услышал, как в другой кабинке кто-то сливает воду. Дождавшись, когда человек покинет помещение, Дмитрий вышел и выглянул в окно. Вот она, родимая! Чуть левее стояла вышка с поднятой площадкой. Самая обычная строительная вышка, имеющая две ноги, два колеса для перемещения и систему из

тросов и блоков – ручную лебедку для поднятия площадки на уровень второго этажа. Тут монтировали кондиционер, и вышку не убрали. Спасибо вам за это!

Дмитрий быстро открыл окно, взобрался на подоконник с ногами и примерился. С большим боком такие акробатические этюды выполнять сложно, но после укола он боли не чувствовал, как не чувствовал и некоторой части мышц. Это было плохо, потому что их можно травмировать, если вообще не свалиться во время прыжка. Однако надо рисковать!

Оттолкнувшись ногами, он вытянул руки и поймал ограждение вышки. Ударившись не очень сильно коленом, успел встать на перекрестье стальных уголков. Теперь вниз, вниз. Самое неприятное было услышать грозный окрик местного начальника или полицейского. Только не это, только не это, мысленно повторял Дмитрий, ловко перебирая руками и ногами. Вот и старый растрескавшийся асфальт, последний прыжок, отряхнуть руки и...

Народ потянулся на посадку. Дмитрий присел, делая вид, что завязывает шнурок, потом пристроился к жиденькой цепочке пассажиров,двигающихся к пузатенькому «МИ-2». Пассажиров было немного, всего семеро. И вертолет стоял к аэропорту правым боком. Это очень хорошо, потому что люк для пассажиров в «МИ-2» располагается с левой стороны, которую диспетчеру сейчас было не видно.

Посадка закончилась, пассажиры перестали возиться и ерзать на узких и неудобных сиденьях. Загудели двигатели, и над головой со свистом начали раскручиваться лопасти винта. Сразу стало шумно, тесный салон как ватой наполнился шумом, грохотом и воем. Ливанов выглянул в иллюминатор и посмотрел, как лопасти сливаются в сплошной круг над машиной. Пора, надо все делать сейчас, пока вертолет не сдвинулся с места. Наверняка радиообмен уже произошел, запуск двигателей разрешен, выруливание на взлетную площадку разрешено, взлет разрешен. Теперь осталось устроить совсем маленькую заминку. Эх, начальство, конечно, голову оторвет за такие фокусы. Ладно, отбредутся! Когда дело коснется возврата препарата и задержания похитителей, тогда многое простится, на многое закроют глаза. Это прокуратуре по фигу, это для нее любое преступление – преступление. А для заказчика и силовых структур есть вещи первоочередные, наиболее важные. Сколько раз уже прикрывали, заминали... Обойдется; сейчас главное – догнать, выполнить задачу!

Ливанов поднялся и прошел, спотыкаясь о чужие колени, к пилотской кабине. Постучав пилота по плечу, он глянул на приборы и понял, что чуть не опоздал. Обороты двигателя почти на максимуме, и вертолет вот-вот начнет взлетать. А подвергать опасности пассажиров нельзя. Это уже перебор!

Пилот обернулся недовольно и почти без удивления. Укол в шею, и руки летчика соскользнули с рычагов. Ливанов перегнулся через расслабленное тело и сместил рычаг газа, чтобы не упали обороты. Потом с озабоченным лицом вернулся в салон и наклонился к двум мужикам на передних сиденьях.

– Ребята, пилоту плохо! – пришлось орать прямо в уши пассажирам. – Надо вытащить его наружу! Сердце! Скорее!

Двое мужиков, по виду геологов, сначала вытаращились на Ливанова, потом кинулись за ним следом отстегивать, поднимать пилота и тащить через салон к двери. Остальные пассажиры замерли в неопишемом недоумении. Ливанов наблюдал всю сцену, прикидывая момент, когда недоумение пассажиров перерастет в дикую неуправляемую панику. Этого допускать по его плану было нельзя.

– Выходим из машины, выходим! – заорал он пассажирам, помогая себе жестами и выражением лица, которые должны были подсказать, что теперь вертолет никуда не полетит и нужно пересаживаться в другой.

Судя по их лицам и движению губ, они были недовольны, судьба пилота мало кого волновала. Незадача! Вот не повезло-то! Ливанов, пытаясь перекричать шум мотора, поторапливал пассажиров, помогая вытащить на бетон взлетной площадки вещи. И когда последний пас-

сажир получил свою сумку, а двое первых пассажиров вопрошающе обернулись, показывая на мирно посапывающего летчика, Ливанов решительно задвинул дверь пассажирского салона.

Все! Теперь отсчет пошел в другую сторону. Напевая «под крылом самолета о чем-то поет зеленое море тайги», он прыгнул в кресло пилота и принялся пристегиваться, поглядывая на приборы и тумблеры. Вертолет находится на взлетном режиме. Теперь ноги на педали, рычаги в руки и... Пошла, родимая, оборотики, оборотики...

Пассажиры снаружи кинулись врассыпную, забыв о багаже. Лопасты месили воздух со свистом, срывая мощным потоком воздуха головные уборы и задирая полы курток и плащей. Колеса покатались по бетону, потом хвостовая балка приподнялась, и машина будто в прыжке подскочила. Наклонив нос, она пошла над аэродромом, все набирая и набирая высоту, а потом резко ушла вправо и исчезла за кронами деревьев, унося с собой грохот и гул. И только диспетчер замер с отвисшей челюстью, глядя со своей вышки через огромное стекло на взлетное поле, где сустились и махали руками пассажиры, где грудился их багаж, а рядом с багажом, раскинув ноги и руки, лежал в кожаной куртке пилот вертолета. Суть произошедшего ускользала по причине своей нелепости и необъяснимости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.